

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

В.В. Карпинский, Т.К. Комарова

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье анализируются биологические и психологические предпосылки антропологической катастрофы как реальной угрозы человеческой цивилизации на современном этапе её развития. В качестве альтернативы стратегии развития техногенного общества и расчеловечивания человека рассматривается гуманитаризация образования как важнейший путь сохранения жизни социума в человеческом измерении.

In the article biological and psychological factors of anthropological disaster as of real threat for human civilization are analyzed. Humanization of educational system is considered as an alternative strategy for preservation of human dimension in the life of contemporary society.

Постоянно убыстряющийся темп жизни на фоне усиления её технократической составляющей меняет человеческую природу, всё более уподобляя людей сложным биосоциальным механизмам, тем самым расчеловечивая и деперсонализируя человека. Однако коэволюция естественного и искусственного может происходить различными путями, в том числе по гуманитарному сценарию. Чтобы общество в буквальном смысле не стало постчеловеческим (или бесчеловечным), необходимы механизмы сохранения человеческих качеств через устойчивое развитие гуманитарных оснований социальной жизни. Иными словами, технократизация современной жизни требует для человека своеобразной гуманитарной компенсации. Ведущей формой такой компенсации во все времена служило образование. Необходимость гуманитаризации системы образования в настоящее время является одним из неперенных условий выживания человечества в целом и сохранения человеческих качеств в самом человеке. Это обусловлено, прежде всего, таким феноменом техногенной цивилизации как антропологическая катастрофа.

Антропологический катастрофизм – это предельно обостренное восприятие ситуации кризиса современного человека. Его центральное понятие – антропологическая катастрофа – трактуется многомерно:

- это проблематичность бытия современного человека, непредсказуемость и негарантированность его судьбы;
- это угроза выживаемости человека, подрыв оснований его бытия;

- это расчеловечивание самого человека, деперсонализация «Адамова потомка» и, как следствие, наступление постчеловеческого будущего (будущего без человека).

Антропологический катастрофизм, проблематичность бытия самого человека обуславливается рядом обстоятельств, имеет множество проявлений и тенденций. Одной из главных среди них выступает опасность изменения генофонда человечества, деградация биосферной телесности человека. Во все большей степени человечество как биологический вид теряет стабильность, так как биологический ресурс (возможность адаптации к ухудшающимся биосферным условиям) близок к исчерпанию. Интенсивность мутагенеза ведет к возрастанию количества так называемых «распадных особей», депопуляции человека. Данные исследований показывают, что в крупных мегаполисах число умственно отсталых, а также людей с различного рода генетическими повреждениями достигает 15-20%. Активно нарастают «цивилизационные болезни», в числе которых сердечно-сосудистые, онкологические, а также болезни, связанные с разрушением эндокринной, половой, иммунной систем человеческого организма.

В числе факторов антропологической катастрофы выступают также современные попытки реконструирования биологии человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека в принципе открывает возможность не только лечить наследственные заболевания или усиливать определенные способности (умственные и физические), но и «создавать» человека методами клонирования по заранее заданной программе. Искусственно выращиваемый человек уже получил название – это «fabricated man» или «designer baby». Все эти «эксперименты» над биологической составляющей человека имеют далеко идущие последствия. Уже введено в обиход понятие «постчеловек», хотя и не всегда четко определяемое, но отражающее идею изменения биологической основы человека. Современная наука, таким образом, переступила грань, отделяющую медицинскую терапию, восстановление нарушенных структур и функций от попыток кардинального изменения природы человека. В итоге начинает складываться ситуация, которую можно назвать биовластью. Ее суть состоит в том, что стремительно исчезает область неподвластного человеку в его собственном теле. Если прежде принципиальные пределы технического вторжения в биологическую природу человека были четко обозначены, то теперь эта сфера начинает стремительно сокращаться.

Иными словами, мы воочию присутствуем при рождении нового существа – сверхчеловека (или постчеловека). И в этом смысле на-

чинает сбываться пророчество Ницше о конце антропологической эпохи. Однако, как это часто бывает, пророчество сбывается не совсем так, как ожидалось. Сверх-пост-человек современности – это не результат перерождения воли, а продукт биотехнологий, геной инженерии и других новейших технологий. Конечно, это пока еще не свершившийся факт, но весьма вероятный сценарий развития. Во всяком случае, совершенно очевидно, что техногенная цивилизация открывает новую зону риска, поскольку системная целостность генетических факторов человеческого бытия вовсе не гарантирует, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажение других свойств.

Нельзя также упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии, Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Для людей, у которых исчезла бы эта сфера эмоций, уже не имеют смысла ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин, для них выпадут целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности.

Современные социокультурные реалии свидетельствуют и о подрыве психологических основ человеческой жизни: отмечаются деградация высших мотивов поведения; утрата человеком представлений о подлинности своего «Я» и специфически человеческом в человеке; рост эмоциональной напряженности и проявлений эмоциональной тупости; снижение критичности мышления. Все меньше становится людей, способных понимать происходящее не в рамках готовой концептуальной сетки, не в системе идеологем, а непредвзято и самостоятельно.

Сегодня жизнь с ее быстро меняющимися ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых сферах деятельности погружает человека в череду стрессовых состояний. Перенапряжения ведут к росту не только сердечно-сосудистых заболеваний, но и психических болезней. Кросс-культурные исследования свидетельствуют о том, что, как правило, количество психических отклонений значительно возрастает в тех социальных условиях, когда на первое место в иерархии человеческих предпочтений выдвигаются стремление к соответствию высоким стандартам потребления и ориентация на индивиду-

альные достижения и успех. Неслучайно в последние годы такое тяжелое психическое состояние как депрессия выходит на одно из первых мест среди наиболее распространенных болезней конца XX – начала XXI веков. Чтобы избежать угнетенных состояний психики, люди все чаще прибегают к применению различных психотропных средств. Так, например, 10% всего населения США принимают антидепрессант прозак или его аналоги (если же взять только взрослое, работоспособное население, то процент людей, принимающих этот антидепрессант, увеличивается) Однако это фармакологическое средство, повышая самооценку, блокируя неконтролируемую агрессию, имеет в качестве побочного действия ослабление и потерю памяти, сексуальные расстройства, повреждение мозга.

Вызывает тревогу и проблема истощаемости психологических ресурсов человека. Ускорение ритмов истории сокращает длительность жизненных ситуаций, время человеческого бытия оказывается перенасыщенным гораздо большим количеством эмоций и переживаний, чем раньше. Человеческая психика уже не выдерживает динамики перемен: люди теряют чувство реальности, умение ориентироваться в жизни. На этом фоне формируется дезориентированная и дезорганизованная личность, человек с «расшатанной» психикой.

Постчеловеческая перспектива обострила и проблему контроля за человеческими эмоциями (аффектами, страстями). Это давняя тема западноевропейской философии и психологии. Аффект – это «эмоциональная буря», которая разворачивается в человеке как бы без самого человека, то есть, не подчинена контролю сознания. Гнев, страсть, ненависть, зависть – это то, что энергетически превышает по своей силе веления разума. Их опасность усматривалась в том, что они способны «рвать» социальную ткань. Будучи асоциальными, они несут в себе угрозу для культуры. Поэтому западноевропейская цивилизация постоянно стремилась выработать разнообразные техники культивирования, «приручения» страстей как проявлений «дикой» природы человека. Суть подобных техник в том, чтобы «выдрессировать» человека, придать его чувствам социально приемлемую форму. Поэтому для цивилизованного западного человека приемлема лишь страсть, сублимированная из ее естественного состояния в культурную форму – театральную драму, музыкальное или литературное произведение. В этой логике страстная любовь – возвышенное и благородное переживание, воспетое поэтами – это большая опасность и даже несчастье. А поэтому в качестве цивилизованного человека может выступать только субъект, полностью овладевший своими страстями, то есть полностью вменяемый и рациональный. Отчасти современный человек уже близок к та-

кому состоянию: у него уже давно отмечается дефицит страсти, дефицит сильных эмоциональных переживаний.

Однако проблема заключается в том, что человеческие страсти никогда не удастся подчинить культуре до конца. И если до сих пор задача приручения страстей решалась за счет разного рода социальных техник – воспитания, дисциплины, образования, права – то ныне стремительно расширяется область биохимических техник. Следующий шаг – появление генетических и электронных техник вроде вживленного в тело микрочипа, который сигнализирует об опасном уровне возбуждения и блокирует действие. Таким образом, и в эмоциональной сфере психики человека соотношение естественного и искусственного разворачивается не в его пользу. Между тем, эмоции и чувства выполняют весьма важную функцию мотивации в самых разных сферах жизнедеятельности человека, в том числе и репродуктивной. И если жизнь как биологическое событие без эмоций невозможна, то и человек, лишенный эмоций, невозможен в качестве человека живого.

Для цивилизации риска характерно и обострение экзистенциальной проблемы утраты человеком чувства собственной значимости, что связано с обесцениванием самой человеческой жизни, с распространением феноменов деперсонализации и дегуманизации. Не случайно наше время называют временем «всеобщего недомогания».

Антропологическую катастрофу можно понимать и как катастрофу самого человека, а ее глубинные истоки усматривать в самом человеке, в его неразумности и разрушительных инстинктах. Никогда люди еще не ощущали такой подорванности разума, его неспособности быть прочной основой человеческого бытия. В эпоху господства классической рациональности витала надежда на возможность преобразования человеческого общежития по меркам разумности. Сам идеал разумности питал всю западноевропейскую культурную традицию. Сегодня эталон разумности ставится под сомнение. Недоверие к разуму зачастую оборачивается поиском девиантных форм миропонимания, человек отдается во власть так называемых «духовных кентавров» — паранауке, оккультизму, нетрадиционным культам. Подтверждается идея, высказанная еще Дж. Свифтом в романе «Путешествие Гулливера»: хотя человек и наделен разумом, он вовсе не разумное существо, так как от применения его разума в конечном счете ничего разумного не получается. С Дж. Свифтом солидарен и наш современник – писатель А. Кестлер, по мнению которого в человеке заложена какая-то ошибка, и поэтому он обречен на самоуничтожение. Известный астрофизик Н. Шкловский вторит ему: разумный человек погибнет от разума.

Крах классической рациональности может осмысливаться как расчеловечивание самого человека, что, по-видимому, и составляет главный признак антропологической катастрофы. Если использовать веберовскую типологию, появление современного человека связано с переходом от аффективных и традиционных способов регулирования социальных отношений к ценностно-рациональному регулированию, то есть с превращением аристотелева «общественного животного» в личность. Именно этот тип человека создал всю ту совокупность феноменов, которую мы привыкли называть «духовной культурой».

Но в терминах веберовской типологии обозначено и начало конца человека как носителя культуры. Последним из веберовских типов социального действия было целерациональное поведение, т. е. поведение, рационально регулирующееся уже не духовными ценностями, но внешней целью. Возникновение этого типа, по Веберу, связано с промышленной революцией и распространением буржуазных рыночных отношений. Немецкий мыслитель использовал выделенные им типы скорее как методологический прием, но поднялся и на уровень мировоззренческих обобщений. Вебер отмечал, что в настоящее время стремление к наживе, лишённое своего религиозно-эстетического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы; возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механистического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к «последним людям» этой культурной эволюции обретут истинную значимость слова Вебера о том, что это будет время, когда именно бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы будут полагать, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития.

Вебер выдвигал предположения, но уже сегодня можно определенно сказать, что победило «или»: целерациональное действие из аспекта поведения личности превратилось в ее основу и привело к возникновению другого человека – Актора. Понятие актора (актера, дельца, действующего) стало использоваться в социологии в первой половине XX в. Теперь этим понятием можно охарактеризовать особый исторический тип человека рыночно-технологической эпохи, постепенно заменяющий собой личность.

Актор – носитель рациональности как последовательного стремления к сознательно и заранее поставленной цели. Он «разумный эгоист», человек без ценностей. Актор — продукт отчуждения (К. Маркс), социальной аномии (Э. Дюркгейм), механизации общества (Н. Бердяев), продукт превращения закрытых, «теплых» обществ в открытые, «холодные» и цивилизованные. По мере того как личность становится актором, культура как регулятор социальных отношений заменяется технологией и социотехникой. Люди, считающие себя личностями, склонны рассматривать появление актора как своего рода «завершение» истории человека.

Однако не актором в действительности кончается история, не им пресекаются традиции человека и гуманизма. Подлинное расчеловечивание человека возникает тогда, когда техника начинает заменять не только его физическую, но и умственную силу. Атрибут разумности делает людей подобными искусственным техническим системам. В большинстве современных теорий управления признается, что конкурентоспособность предприятий напрямую зависит от того, насколько они приобрели характер социотехнических систем, сплавляющих технику и человека в единое целое. Не случайно в социологии с середины XX в. словосочетание «человеческий фактор» стало вытеснять и понятие личности, и понятие актора. Человек как «фактор», в отличие от личности и даже актора, теряет свою самоидентичность, фрагментируется, «размывается» по системам. Если в начале своего развития науки о взаимодействии человека с техникой были озабочены приспособлением техники к человеку, то теперь вектор поворачивается в противоположном направлении. Современная инженерная психология рассматривает человека, работающего со сверхсложными автоматическими или полуавтоматическими системами, как звено этих систем. Он — «ресурс», его надо «активизировать», но особенно «контролировать» по надежности, так как он самое слабое место в таких системах: человек срывается, устает, нервничает, не успевает. Именно поэтому надо в них ставить «защиту от дурака», что фактически это означает «защиту от человека». В этой связи в сфере производства в человеке должна цениться больше всего нервно-психическая устойчивость, обусловленная в основном радикальным обеднением аффективной сферы и эмоциональной тупостью. По мере того, как состоящее из личностей общество превращается в состоящую из акторов цивилизацию, а цивилизация — в состоящий из «факторов» технос, взаимодействие оператора и машины становится всеобщей формой бытия человека. Его цели предстают как отражение внутренних законов оптимизации и эффективного функционирования социотехноса. Целерациональное поведе-

ние актора заменяется бесцельной рациональностью. Все его поступки сверяются по критерию разума, но разума, который чужд ему как субъекту телесно-духовной целостности. Это постчеловеческая рациональность.

С рассогласованием информационного и материального по всем параметрам фактически связаны все опасения относительно влияния на людей «мира виртуальной реальности». Новая искусственная среда «сканирует», принимает только информационный аспект человека, ввергая его как целостное существо в состояние кризиса. По своей сути она является не античеловеческой, а просто постчеловеческой. Постчеловеческая среда и соответствующая ей рациональность рожают постчеловека. Постчеловек — это постисторический индивид (Homo Futuris), субстанциально еще живой, но функционально и духовно становящийся роботообразным и искусственным существом. Ему придумано специальное имя - гомутер (человек-компьютер). У такого бездуховного человека чувственное начало преимущественно проявляется лишь в физиологических отправлениях.

Возникнув, искусственная среда по логике своего развития рано или поздно трансформируется в абиотический технический мир. Эта новая реальность не создается ни природой, ни Богом. Она творится самим человеком. Данная среда окружает первую природу извне и выхолащивает ее изнутри. Сегодня не включенной в прямую хозяйственную деятельность на нашей планете осталось около лишь 40% территории суши (льды, тундры, пустыни, часть леса). Основная масса людей живет в урбанистических комплексах, а с естественным, помимо своего тела, не сталкиваясь вовсе. В таком обществе на смену культуре идет новый мир — технос. Он начинает пронизывать все этажи общественной постройки, в которой ценностные способы регулирования человеческих отношений сменяются правилами функционирования социотехнических систем.

Технос зачастую пока еще осознается как «информационная цивилизация», некая высшая, желанная для многих ступень исторического прогресса. Правда, возникает вопрос, какого прогресса? Думается, правы те мыслители, которые считают данный тип прогресса постчеловеческим, так как он теряет свое антропологическое измерение и содержание. Если в XX в. прогресс осуществлялся в основном за счет природы, то сейчас он все в большей степени окупается ценой культуры и человека.

Защитники технологизации мира — технократы-прогрессисты (гипермодернисты) выдвигают против человека, в сущности, единственный, но чрезвычайно серьезный довод, о котором они сами иногда

сожалуют: прогресс неотвратим, его не остановишь. Прогрессизм стал фактически смертельным аргументом. Самоотрицание человека не благо, а зло, но поскольку оно неизбежно, то его надо признать благом — такова логика фатального технократического детерминизма. Однако, освобождаясь от «человеческого, слишком человеческого» (Ницше), от гуманизма и природы, от человеческих чувств и духовности, технократы сами превращаются в роботов нулевого поколения, а пропагандируемый ими прогресс и универсальный эволюционизм выступает «прогрессом к смерти».

Вступление техногенной цивилизации в эпоху антропологической катастрофы не оставляет человеку широкого диапазона выбора при решении профессиональных и личных проблем, что выражено повышением степени его индивидуальной ответственности. Все это требует усиления ценностного, а значит, гуманитарного аспекта жизни, формирования у человека гуманитарной модели бытия.

В условиях технократического расчеловечивания человека идея гуманитаризации представляется не только вполне органичной, но и, по сути, единственно возможной. Парадигма гуманитарного образования является одним из неперемennых условий выживания человечества в целом и сохранения человеческих качеств в каждом отдельном человеке, а также условием придания обществу гуманитарного измерения.

В свою очередь, гуманитарность общества в тот или иной исторический момент измеряется наличием своеобразной критической массы людей, способных перевести жизнь социума в человеческое измерение. Поскольку в настоящий момент мир в целом не может похвастаться избытком гуманности и гуманитарности, возникает задача специального формирования у огромного количества людей соответствующей установки.

Без последовательного формирования в обществе гуманитарного взгляда на мир, без образовательной подготовки, способствующей кардинальному изменению ценностно-смысловых доминант жизнедеятельности, придти к этому весьма затруднительно. Именно гуманитаризация образования предполагает возможность смены, прежде всего, качества жизнедеятельности, переход субъектов образовательного процесса от технократизма на позиции принятия и утверждения ценности и места человеческого измерения жизни общества.

Гуманитарность как интегративное качество, отражающее особый способ бытия, не может быть сформирована принудительным или волевым путем в силу её субъектно-субъективной природы. Она кропотливо произрастает «изнутри» участника образовательного процесса при определенных условиях. Эти условия являются общими для всех

типов образовательных учреждений. К ним относятся: гуманизация образовательного процесса, перевод процесса обучения в контекст культуры, обязательность включения в содержание образования комплекса теоретических знаний и практического опыта, способных обеспечить развитие гуманитарных способов мышления и отношений; использование в образовательном процессе сугубо человеческих средств педагогического взаимодействия.

Через соответствующую организацию информационно-познавательных процессов возможно постепенное продвижение к созданию информационно-гуманитарного контекста жизни общества. Одним из его показателей будет изменение общественного сознания, появление в его структуре в качестве доминанты таких гуманитарных характеристик как целостность, диалогичность, толерантность, рефлексивность. Представляется, что первым шагом в этом направлении может стать преодоление сложившегося в настоящее время общественного мнения об избыточности гуманитарного знания для современного человека и современной системы образования.

УДК 94 (=16) (075.8)

**БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ
КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
МЕНЬШИНСТВ**

М.Я. Колоцей, Н.Л. Улейчик

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются основные направления и формы культурного белорусско-польского сотрудничества в области национальных меньшинств на современном этапе. Особое внимание уделено вопросу национального образования диаспор в Республике Беларусь и Республике Польша.

The article is devoted to the main directions and forms of cultural Belarusian-polish co-operation in national minorities today. The development of national education of minorities in Byelorussia and Poland is investigated in details.

Совместное историческое и культурное наследие обуславливает широкий спектр возможностей для сотрудничества Республики Беларусь и Республики Польша в культурной сфере. В течение столетий наши народы жили в дружбе и уважении к этническому, религиозному и культурному своеобразию друг друга. Преемниками этого наследия являются национальные меньшинства – польское в Беларуси и белорусское в Польше. Оба государства придают особое значение их свободному развитию, бережно относятся к национальным традициям, к